

После того как Система ушла в спящий режим, Сюй Жань почти перестал возвращаться в пространство. Несмотря на сильную боль, он предпочитал оставаться в сознании.

Утром его разбудил шум в палате. Сюй Жань открыл глаза и посмотрел на дверь, но там был не тот человек, которого он ожидал увидеть.

Госпожа Пэй, заметив, что он проснулся, поставила корзинку с едой и объяснила:

— Вчера вечером в компании возникли дела, мне пришлось срочно вызвать Сюйдуна, поэтому я пришла проведать тебя первой.

Сюй Жань тихо ответил:

— Госпожа, вы выглядите всё лучше и лучше.

Голос госпожи Пэй был мягким:

— В последнее время я стала спать гораздо крепче, чем раньше.

— Вот и хорошо.

Сюй Жань был бледен, а широкая больничная пижама в сине-белую полоску делала его еще более хрупким, почти ребенком. Из-за сильной боли он говорил с трудом, и у госпожи Пэй внезапно защемило сердце.

Она придвинула стул к кровати и, тщательно подбирая слова, произнесла:

— Сюй Жань, в прошлом нет твоей вины, это ошибки нашего поколения. Мы лишь зря втянули тебя, ребенка, в это. Не терзай себя из-за этого.

Сюй Жань, конечно, не страдал от этого. Он был чужим в этом мире и не испытывал вины перед семьей Пэй, но теплота госпожи Пэй всё равно заставила его сердце болезненно сжаться.

— Даже ради того, чтобы отплатить за доброту, ты не должен был рисковать жизнью. Акции достались тебе по праву, они должны принадлежать только тебе.

Госпожа Пэй была доброй и мудрой женщиной. Искренне благодарная Сюй Жаню за спасение мужа, она не хотела, чтобы он, подобно ей в прошлом, запер себя в клетке собственных страданий.

Сюй Жань с трудом покачал головой:

— Я сделал это не ради того, чтобы отплатить за доброту.

Это было правдой.

Госпожа Пэй приготовила речь, но, встретившись с серьезным взглядом этих глубоких, как чернила, глаз, она не смогла вымолвить ни слова.

Он не был её родным сыном, она никогда не тратила сил на его воспитание, но теперь, когда недопонимания исчезли, а её собственные душевные раны десятилетней давности начали затягиваться, она поняла: Сюй Жань уже давно не ребенок.

В глазах госпожи Пэй заиграла улыбка:

— Я знаю, Сюйдун мне всё рассказал.

Сюй Жань был искренне удивлен:

— Он рассказал вам... о чем?

Госпожа Пэй, найдя такую реакцию Сюй Жана редкой, рассмеялась:

— Не волнуйся, я не собираюсь вмешиваться в ваши с ним чувства.

Она назвала себя тетей, и Сюй Жаню это показалось немного странным.

— Но, — госпожа Пэй призадумалась и добавила, — вы еще молоды, и я хочу дать вам совет. В отношениях между двумя людьми не страшно ничего, кроме нежелания говорить правду. Когда недомолвки копятся одна на другую, даже самые крепкие чувства могут угаснуть.

Сюй Жань тихо кивнул:

— Я понимаю.

Он всегда знал, что госпожа Пэй рассудительна, но то, что она смогла переступить через себя ради них, вызвало глубокое уважение. Возможно, она сама хлебнула горя и теперь не хотела создавать препятствий для других. А может, чувствовала вину перед Пэй Сюйдуном за то, что долгие годы была погружена в собственную боль, лишив сына возможности расти в счастливой и гармоничной семье.

Но Пэй Сюйдун наверняка считал её лучшей матерью на свете.

К моменту выписки Сюй Жана главный виновник уже был за решеткой. То, как торговый спор превратился в кровавую вражду, уходя корнями в старые обиды, наконец подошло к концу.

Пэй Сюйдун строго следовал предписаниям врачей: даже после выписки за пациентом нужен

был тщательный уход. Он не позволил Сюй Жаню вернуться в дом Пэй, а вместо этого самовольно приехал в его квартиру, узнал пароль и заранее перевез туда свои вещи.

Пэй Сюйдун открыл перед Сюй Жанем дверцу машины, а затем потянулся, чтобы помочь пристегнуть ремень. Сюй Жань перехватил его запястье и с досадой произнес:

— Я что, калека?

Пэй Сюйдун смущенно отдернул руку и поправил очки:

— Прости...

Сюй Жань усмехнулся:

— За что ты извиняешься?

Всю дорогу Пэй Сюйдун был предельно сосредоточен на вождении. Хотя он всегда отличался серьезностью, в этот раз его старательность казалась чрезмерной. Сюй Жань задумчиво наблюдал за его плотно сжатыми губами — этот человек явно что-то скрывал.

В момент, когда дверь открылась, Пэй Сюйдун инстинктивно отвел взгляд. Он попытался сохранить невозмутимость:

— Ты выписался, я подумал, что стоит это отпраздновать, поэтому...

Пэй Сюйдун не замечал, как дрожат его ресницы. Сюй Жань тихо рассмеялся, глядя на накрытый стол. Теперь он понял, почему Пэй Сюйдуна не было утром, и почему он приехал в больницу только тогда, когда документы на выписку были готовы.

Сюй Жань медленно произнес:

— Это всё ты приготовил?

Вино, торт, цветы — всё это подготовил человек, стоявший рядом?

— Да, — Пэй Сюйдун стоял неестественно прямо, машинально потирая ладонью бедро. — Я учился несколько дней, думаю, это не должно быть... невкусно.

Сюй Жань был ошеломлен: торт оказался домашним. Он неловко отвел взгляд и небрежно бросил:

— Ты делал? Неудивительно, что выглядит не очень.

По сравнению с магазинными тортами этот действительно выглядел простенько, но назвать его

некрасивым было нельзя. Сюй Жань впервые позволил себе такую колкость, пытаясь скрыть волнение.

Пэй Сюйдун, не мигая, смотрел, как Сюй Жань пробует кусочек:

— Ну как? Не... не противно?

Сюй Жань не мог оставаться холодным с Пэй Сюйдуном. Он улыбнулся:

— Очень вкусно.

Это была правда.

Услышав это, глаза Пэй Сюйдуна вспыхнули. Его радужка была светлее, чем у Сюй Жана, и сейчас в ней играли золотистые блики.

Сюй Жань на мгновение потерял дар речи и, повинаясь внезапному порыву, протянул руку и снял с Пэй Сюйдуна очки. Его глаза были невероятно яркими.

— Ты видишь что-нибудь?

Пэй Сюйдун замер:

— Да, вижу.

У него была лишь легкая близорукость, и отсутствие очков почти не мешало.

Сюй Жань взял бутылку со стола и наполнил бокал:

— Раз уж ты открыл вино, давай выпьем немного.

Пэй Сюйдун поспешно остановил его, переставив бокал к себе:

— Нет, ты только выписался, тебе нельзя пить.

Сюй Жань приподнял бровь. Подготовил вино, но не дает пить? Неужели Пэй Сюйдун приготовил его для себя?

Так и было. Пэй Сюйдун собирался выпить, чтобы набраться храбрости. Он так боялся, что Сюй Жань начнет пить, не жалея здоровья, что, забрав бокал, залпом влил вино в себя и тут же закашлялся.

Сюй Жань тихо хмыкнул. Пэй Сюйдун почувствовал себя подавленным — он, должно быть,

выглядел сейчас ужасно жалко.

Вдруг чья-то рука мягко похлопала его по спине. Послышался небрежный голос:

— Куда ты так спешишь? Я не отбираю.

Пэй Сюйдун поднял на него глаза. Уголки его глаз покраснели от кашля, а голос прозвучал тихо и обиженно:

— Ты смеешься надо мной.

Сюй Жань снова не сдержал улыбки, пытаясь оправдаться:

— Я не смеюсь.

Он только собрался помочь Пэй Сюйдуну выпрямиться, как тот внезапно выпалил:

— Сюй Жань, можно мне за тобой ухаживать?

Рука Сюй Жаня дрогнула и замерла. Пэй Сюйдун стиснул зубы, заставляя себя смотреть на Сюй Жаня, боясь упустить любую реакцию.

Небрежность на лице Сюй Жаня исчезла. Помолчав, он мягко ответил:

— Не нужно ухаживать.

Дыхание Пэй Сюйдунa перехватило. Он не осмелился гадать, что это значит, и лишь растерянно спросил:

— Что?

— Я сказал, не нужно ухаживать. Я тоже тебя люблю, — Сюй Жань облегченно улыбнулся, его голос прозвучал серьезно.

В сердце Пэй Сюйдунa разлилась сладостная горечь:

— Когда... когда ты успел меня полюбить?

— Давно. — Сюй Жань помог Пэй Сюйдуну подняться. В тот самый день, когда он попал в этот мир, и Пэй Сюйдун приехал за ним в больницу.

— Сюй Жань, я такой негодяй, — глаза Пэй Сюйдунa покраснели еще сильнее. — Ты не должен был быть со мной так снисходителен.

<http://bllate.org/book/21512/2206118>